

М. Л. Засецкая

Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов¹

Вещевой фонд РЭМ по этнографии коренных народов Северной Европы — Скандинавии и Германии представляет собой одно из самых малочисленных и малоизученных собраний музея.* Необходимо прежде всего отметить, что в процессе работы над научно-справочным каталогом по фонду Северо-Запада и Прибалтики² в 1990-х гг. у автора данной статьи возникли сомнения по поводу правильности указанной в описях этнической принадлежности значительной группы отдельных предметов и целых коллекций. Поэтому в настоящее время многие характеристики собрания музея по этнографии скандинавских народов, включая важнейшую — этническую, а следовательно, и количественную, тематическую, хронологическую и другие, не могут быть признаны окончательными, так как они отражают современное состояние изученности собрания и в дальнейшем, возможно, будут изменены.

Этнографические коллекции «германского фонда» образуют две самостоятельные группы.

К первой группе относятся всего три коллекции (22 экспоната), включающие предметы, бытовавшие и приобретенные на территории собственно Скандинавии: в Дании (рубель, кол. № 4877-1, датчане; поступила из музейного фонда «исторических комнат» б. Аничкова дворца в 1928 г.) и Норвегии (кол. № 3196, 20 экспонатов, шведы; приобретена у У. Т. Сирелиуса в 1911 г.). Третья коллекция (жбан для пива, № 6817-1, шведы; местность бытования неизвестна) была передана в дар музею В. В. Стасовым в 1930-е гг., но зарегистрирована позднее, в 1954–1955 гг., в период тотальной инвентаризации фондов после Второй мировой войны, на основе охранной описи. Никакой дополнительной информации о месте и времени изготовления и бытования помимо приведенной выше ни в архиве, ни в личных записях сотрудников до сих пор не обнаружено. Возможно, этот украшенный живописной сюжетной композицией (жанровая сцена: «на берегу реки на бревне сидит юноша, перед ним стоят две девушки — все трое в национальной шведской одежде»³) пивной жбан был привезен в качестве памятного подарка или сувенира из Швеции. Однако документы, на основании которых могли бы быть изменены предположительные характеристики коллекции (место приобретения / бытования (?) — Санкт-Петербург (Ленинград), время изготовления — начало XIX в., время бытования — XIX — начало XX в.), отсутствуют.

* Далее в тексте этот фонд условно назван «германским».

Первая группа памятников представляет собой предметы утвари, освещения, орудия труда, детали конской упряжи. Большая часть вещей, независимо от их функционального назначения, связана с празднично-обрядовой культурой, главным образом семейной (свадебной) обрядностью.

Многие экспонаты имеют инициалы и даты. Оригинальные по форме, они украшены резьбой и росписью. Наиболее архаичные геометрические узоры выполнены в технике контурной, трехгранно-выемчатой и ногтевидной резьбы. Растительные же и зооморфные мотивы в стиле «крестьянского барокко» и фигурки лошадок, заменяющие рукояти на некоторых рубелях, моделированы в технике круглой скульптуры, пропильной и рельефной резьбы.

До последнего времени атрибуция коллекции № 3196, которая была собрана и привезена, как явствует из архивных дел и коллекционной описи, в 1911 г. известным финским ученым-этнографом У. Т. Сирелиусом, не вызывала сомнений. Однако в 1995 г. в процессе совместной работы автора с российским скандинавистом Т. А. Шрадер над выставкой «Скандинавский мир в музеях Санкт-Петербурга»⁴ последней было высказано мнение, что данная коллекция была сформирована Ф. Е. Классеном по поручению музея летом 1910 г. во время его пребывания в Норвегии, и потому все экспонаты этой коллекции являются не шведскими, а норвежскими и по изготовлению, и по бытованию.⁵ Аргументы Т. А. Шрадер и контраргументы сотрудников РЭМ рассматривать здесь не будем: это тема специального исследования, тем не менее считаем необходимым указать на существующие разногласия по поводу «шведской коллекции из Норвегии».⁶

Вторую группу памятников «германского собрания» составляют коллекции по этнографии немецких и шведских переселенцев, чьи колонии были основаны или оказались в расположении Российской империи после окончания Северной войны.

В целом все коллекции второй группы могут быть признаны уникальными. Одни — поскольку являются редкими по содержанию, информативности и целостности этнографическими памятниками, призванными иллюстрировать своеобразие культуры этнолокальных групп шведов Эстонии; другие — как раритеты, единично сохранившиеся экземпляры, не имеющие аналогов в музеях мира. К числу последних относятся два женских головных убора второй половины XIX — начала XX в. типа чепцов (в описях они названы «повойниками»), принадлежавшие колонистам немецкого поселения д. Кипень Троцкого (б. Петергофского) у. Ленинградской губ. (кол. № 4397-1, 2; получены от П. Ф. Герман⁷ в 1925 г.). До сих пор, кроме головных уборов, хранящихся в РЭМ, ни в одном музейном собрании России не было выявлено каких бы то ни было вещевых материалов, имеющих отношение к одежде «петербургских» немцев, в отличие, например, от немцев-колонистов Поволжья, мужские и женские костюмы которых, как и другие предметы материальной культуры, хранятся в музеях России (в том числе в РЭМ) и в частных собраниях.⁸

По сравнению с подобными реликтами, своеобразными «осколками» петербургской старины, собрание музея, характеризующее культуру «островных» и «прибрежных» шведов Эстонии, является полноценным, единственным в России историко-этнографическим комплексом, в состав которого кроме вещевых материалов входят две фотоколлекции (№№ 2578, 2579) и архивы собирателей А. А. Фомина, Н. Ф. Арепьева, а также пастора А. Цеттерквиста.

Общеизвестно, что постоянные поселения шведов, выходцев из Швеции и Финляндии, стали появляться в Эстонии в конце XIII–XIV в. на побережье между Хаапсалуским и Калгаским заливами, а также на островах Моонзундского архипелага* Балтийского моря: Вормси (Ormsö), Рухну (Ruhö), Кихну (Kyhö), Хийумаа (Dagö) и др. Природно-климатические и социально-политические условия, в которых оказались шведы-переселенцы Эстонии, и в первую очередь островитяне, определили длительное и устойчивое сохранение этнических стереотипов сознания и самобытности всех местных вариантов культуры «людей моря» — поморян.

В начале XX в. своеобразие «исчезающей» культуры жителей о. Рухну привлекло внимание А. А. Фомина, окружного инспектора школьных заведений Рижского окр. и председателя экскурсионного бюро Рижского педагогического общества (далее ЭБРПО).⁹ В 1908 г. А. А. Фомин вместе с другими членами бюро организовал летнюю экскурсию на о. Рухну и собрал на средства музея коллекцию (№ 1491, 85 предметов).

Архивные материалы свидетельствуют о том, что первоначально предполагалось участие в этой экспедиции двух сотрудников ЭО, но незадолго до выезда членов ЭБРПО выяснилось, что никто из петербургских этнографов прибыть на Рухну не сможет. Копия телеграфного послания Н. М. Могилянского содержит «глубокие сожаления» по этому поводу и указание на то, что программы сбора этнографических материалов высланы.¹⁰

Следует воздать должное рижским учителям — участникам летней экскурсии 1908 г. В то время, когда в экспедиционно-полевой практике все еще преобладал «кушеткамерный» подход, они, не будучи профессионалами-этнографами, располагая небольшой денежной суммой, приобрели для ЭО полноценную, подлинно этнографическую коллекцию. Благодаря усилиям А. А. Фомина и его коллег сегодня на временных выставках и экспозициях мы можем не только изучать, но и «рассказывать» с помощью экспонатов о жизни и быте рухнуских моряков конца XIX — начала XX в.

Более того, коллекцией А. А. Фомина было положено начало музейному собранию по основным занятиям (земледелию, рыболовству, охоте на морского зверя) народов и этнических групп Эстонии в целом. Отдельные вещи не имеют аналогов ни в «скандинавском», ни в «эстонском» фондах музея. В числе подобных раритетов необходимо отметить следующие: кафтан — *pikk-kuub* — старинную плечевую мужскую одежду из шерстяной белой ткани туникообразного покроя, бытовавшую на о. Рухну до 1870 г.¹¹; женское покрывало, которое «сделано из одной шерстяной полосы белого цвета (длиной 5,16 м), сложенной вдвое и зашитой с одной продольной стороны, благодаря чему получается род своеобразного башлыка <...> на нижних концах дата года: „98“, инициал „E“ и приметка в виде столбика с тремя крестовинами из разноцветного гаруса»; женский «нагольный» полушубок; нож для разрезания страниц книги; огнестрельный комплекс: «винтовка большепульная с кремневым замком, роговая пороховница, «кальпы для отливки пуль», два

* Моонзунд (нем.), или Вяйнамери (эст.) — «море проливов». В XX в. наряду со старинным названием «Моонзундский архипелаг» употреблялось современное — «Западно-Эстонский архипелаг». Далее даны эстонские названия островов, где имелись крупные поселения шведов-колонистов. В скобках указаны собственно шведские названия этих островов.

напильника для нарезки винтовок и винтовочных стволов, бурав для «шустования» — чистки ружейных стволов; остроги с древками, гарпун, багры для льда и подтягивания туши тюленя (на древках вырезаны «инициал, тавро и 1868 г.»); «прибор для лучения рыбы, называющийся у русских „коза“, — служит для очага и прикрепляется на носу лодки»; подушка для плетения кружев; «пяльца ручные деревянные, с винтами и гайками и образцом вышивки» (кол. № 1491-1, 21, 23, 43, 51авс, 54*, 55, 59, 60, 61, 62ав, 63/2, 65авс, 76авс, 78, 80, 85/6).*

К сожалению, в настоящее время среди исключенных в 1954–1955 гг. значатся некоторые весьма редкие для музейного собрания предметы: янтарная запонка, стол «с резьбой на подставках», сапоги и кожаные рукавицы рыбаков, детская подвесная игрушка в форме ромбической фигуры, составленная из двух лучинок-крестовин и нанизанных на нитки скорлупок яиц чаек¹² (кол. № 1491-32*, 34*, 56ав*, 57ав*, 84*).

Существенным недостатком коллекции А. А. Фомина является отсутствие каких-либо указаний об особенностях изготовления и употребления предметов, их местной терминологии, а также названий поселений: указано только одно место сбора — о. Рухну. По-видимому, данная недоработка произошла потому, что сотрудники музея не успели, надеясь на личное участие в поездке, проконсультировать А. А. Фомина о правилах составления собирательских списков. Теоретически в «высланных программах» должны были содержаться инструкции о правилах фиксации местной терминологии, географии сбора, но нельзя утверждать, что данные программы прибыли в Ригу своевременно — до отъезда А. А. Фомина на «летнюю экскурсию».

При монтаже выставки «Скандинавский мир в музеях Санкт-Петербурга» неожиданно выяснилось, что члены ЭБРПО летом 1908 г. занимались сбором экспонатов не только по поручению ЭО, но и «музея Академии»,¹³ т. е. Кунсткамеры (МАЭ). Коллекция РЭМ качественно и количественно превосходит рухнускую коллекцию МАЭ.¹⁴ Но зато в Кунсткамере сохранился ряд вещей, которые были исключены из коллекции А. А. Фомина в РЭМ, например, один напильник (прямой аналог исключенному № 1491-54), входящий в состав огнестрельного комплекса, и детская игрушка из скорлупок яиц чаек¹⁵ (ср. кол. № 1290-41 МАЭ и кол. № 1491-84 РЭМ). Поэтому в настоящее время коллекции ЭБРПО, хранящиеся в фондах обоих этнографических музеев Санкт-Петербурга, могут быть названы взаимодополняющими.

Однако на этом история взаимоотношений А. А. Фомина и петербургских этнографов не заканчивается. Совсем недавно, в 2001 г., во время отбора иллюстративных материалов для строящейся плановой экспозиции РЭМ «Народы Северо-Запада России и Прибалтики. XVIII–XX вв.» в архиве РГО автором статьи была обнаружена фотоколлекция с о. Рухну «из архива А. А. Фомина», датированная 1908 г.¹⁶ В РГО данная фотоколлекция была приобщена к эстонскому собранию, поэтому и не была востребована в 1995 г. при подготовке выставки «Скандинавский мир...». На негативах и отпечатках — пейзажи о. Рухну, поселения и, конечно, местные жители в национальных костюмах. Некоторые комплексы одежды на фотографиях имеют прямые вещевые аналогии в собрании РЭМ. Таким образом, благодаря

* Предметы, помеченные *, из коллекции в настоящее время исключены (здесь и далее).

«случайному»¹⁷ стечению обстоятельств было установлено, что в Петербурге (в РЭМ, МАЭ, РГО), хотя и в разрозненном состоянии, имеется целостный этнографический памятник по культуре шведов о. Рухну.

Прекрасным дополнением к собранию А. А. Фомина стали две коллекции одежды рухнуских шведов, поступившие в РЭМ в последующие годы.

В 1911 г. ЭО была приобретена коллекция костюмов о. Рухну (кол. № 2991, 23 экспоната). Официально собирателем ее считается Николай Федорович Арепьев.

Действительно, Н. Ф. Арепьев, также учитель и любитель народной культуры, собравший к тому времени для ЭО большую коллекцию на о. Вормси, по просьбе Н. М. Моггианского, по-видимому, ездил на о. Рухну. О том, что Арепьев там побывал, свидетельствует его фотоколлекция (№ 2879-1ав, 2ав.). Однако остается непонятной цель и задачи его поездки: сбор вещевых материалов по теме «Народная одежда», или приобретение коллекции, уже собранной кем-то для музея, или прием экспонатов и заключение договора об их доставке. Из письма Арепьева известно лишь то, что он не выслал списков экспонатов, приобретенных на Вормси, («ввиду получения мною известия, что надлежит мне отправить их, когда будут высланы предметы, последние с о. Руно, по получению которых я не замедлю представить обстоятельный отчет».¹⁸ После «получения» вещей Н. Ф. Арепьев вписывает 23 предмета одежды с о. Рухну в конец собственной описи (Вормси), и это единственные экспонаты, местные названия и место сбора которых не указаны. Поскольку сам Арепьев, как следует из архивных документов, мог делать записи на шведском языке и общаться с местным населением, а также был хорошо осведомлен о правилах составления собирательских списков, то для него не составило бы труда указать все необходимые данные. Поэтому можно предположить, что либо неизвестный коллекционер не знал собирательских норм, либо он отправил свои списки — краткие аннотации к костюмам — в музей по почте, но они не дошли до адресата.

В статье, опубликованной в Эстонии в 1998 г., я выражала надежду на то, что личность настоящего собирателя, возможно, еще удастся установить. Это предположение не было лишено оснований, поскольку в архиве РЭМ мною был тогда обнаружен один документ — «Письмо от 27 августа 1912 г., отправленное из канцелярии Шведского Генерального Консула в Санкт-Петербурге», следующего содержания: «Вследствие одной просьбы от пастора А. Цеттерквист на Рунэ честь имею передать прилагаемое отношение относительно национальных костюмов на Рунэ».¹⁹ К письму приложены предложение пастора Цеттерквиста о продаже ЭО четырех костюмов (мужского, детского и двух женских) и опись предметов на немецком языке. Мною была предпринята попытка идентифицировать опись А. Цеттерквиста с коллекцией № 2991, а также с коллекцией костюмов с о. Рухну, поступившей в 1913 г. в Дашковский этнографический музей г. Москвы (источник поступления и собиратель неизвестны). Последняя из упомянутых коллекций вместе с другими материалами б. Музея народов СССР в 1948 г. была передана в Государственный музей этнографии (ныне РЭМ) и зарегистрирована как эстонская (см. кол. № 8762-31063-31070, 31081-31099, 31124-31129; всего 22 предмета мужской, женской и детской одежды).²⁰ В результате музееведческого «расследования» пока удалось выяснить следующее: коллекция № 2991 ни в коем случае не может быть отождествлена с той, которую предлагал ЭО А. Цеттерквист. Все коллекции Н. Ф. Арепьева прибыли в музей на несколько месяцев раньше, нежели в канцелярию ЭО поступило предложение от пастора с о. Рухну. И, возможно, именно наличие коллекции № 2991 обусловило отказ ЭО от закупки подобных костюмов у А. Цеттерквиста. Может быть,

ему рекомендовали обратиться в Москву. К сожалению, любые попытки идентифицировать коллекцию Цеттерквиста с упомянутой выше «дашковской» следует признать малоперспективными: слишком кратки и поверхностны описания предметов одежды в письме, присланном пастором. В то же время мы не располагаем информацией о том, каков был первоначальный состав «дашковской» коллекции костюмов, т. е. сколько всего предметов одежды с о. Рухну в 1913 г. поступило в Дашковский этнографический музей, приобретались костюмы с о. Рухну до или после 1913 г., все ли они сохранились или частично были утрачены в 1920–1930-е гг. до передачи в Государственный музей этнографии.

Тем не менее вопросы и сомнения, связанные с личностями собирателей, не мешают дать оценку их коллекциям и в целом собранию по культуре этнолокальной группы шведов о. Рухну.

Первоначально в собрании насчитывалось три коллекции (№№ 1491, 2991 и 8762, 131 экспонат; 22 из них в настоящее время исключены), состоявшие в основном из предметов одежды (70 номеров), в том числе: трех мужских достаточно полных комплексов (осенне-зимний вариант), датированных концом XIX — началом XX в. (кол. № 1491-1-3, 6-10), праздничного костюма старинного силуэта и покроя, характерного для крестьянской северо-европейской моды конца XVIII в. (кол. №№ 8762-31062-31070) и празднично-повседневного (неполный комплект) конца XIX — начала XX в. (кол. № 2991-1, 10, 11, 14), а также полных женских праздничных и повседневных вариантов костюмов, включающих обувь, перчатки, митенки и другие традиционные дополнительные детали одежды (кол. № 8762-31081-31088/1-2, 31089-31099/1-2 и № 1491-11-21, 23, 25/1,2, 28/1,2). Кроме того, в собрании имеется одежда мальчика 4–5 лет (кол. № 1491-4, 5 и № 2991-4) и прекрасно сохранившийся полный праздничный комплект одежды девочки-подростка, 10-13 лет (кол. № 8762-31124-31129 / 1,2).

Остальные же экспонаты образуют небольшие тематические комплексы (см. выше описание кол. № 1491), состоящие из 3–10 предметов. Из них, безусловно, самый интересный и самый старинный комплект орудий и снаряжения рыбака и морского охотника на тюленей о. Рухну.

Весь предметный мир шведов о. Рухну, свидетельствует не только о сохранении многих типичных для скандинавских народов явлений культуры, но также о длительном и глубоком ее взаимодействии с культурами коренных народов юго-западной Эстонии и северо-западной Латвии. Культура шведов-колонистов о. Рухну формировалась как органичная часть самобытного ареала Арнебург (Сааремаа) — Пярну — Рига, культурные, этнические и экономические контакты внутри которого уходят своими корнями во времена викингов.

В настоящее время культура шведов о. Рухну может быть названа «музейной», ибо шведской колонии на о. Рухну более не существует. История ее исчезновения необычна, исполнена драматизма, но до недавнего времени не могла быть предана гласности в России. Побудительной причиной массовой эмиграции островитян был страх перед возможными репрессиями со стороны советской власти. Был ли этот страх обоснованным или нет, трудно сказать, поскольку, как явствует из статьи, отрывок из которой здесь приводится, в 1939–1940 гг. никто из местных жителей не пострадал.

Если не считать строительство (установку) Российского военно-пограничного поста в 1939 году, то тогда, когда на Балтике возникают военные советские базы, положение на

Рухну не изменилось, т. е. перемены 1939 года в сущности не затронули рухнусцев. Но после Второй мировой войны появился страх за будущее. И вот... 4 августа 1944 года сошла с рейда Рухну яхта «Юхан», увозя с собой все население острова, кроме двух семей, не пожелавших его покинуть. Ничего подобного на Рухну никогда не бывало, начиная с того времени, когда сюда впервые пришли шведы и стали заниматься земледелием и рыболовством. Закончился семивековой (1341–1944 г. — М. З.) период жизни шведской общины на о. Рухну.²¹

Красочному, изысканному — не случайно его не раз называли экзотическим — миру о. Рухну противостоял суровый аскетичный мир о. Вормси. Морские дороги в первую очередь связывали жителей Вормси с Гапсалем (Хаапсалу), Ревелем (Таллинном) и Финляндией, определяя маршруты морской торговли, контрабанды и эмиграции безземельных жителей, особо усилившейся во второй половине XIX в.

Остров Вормс по-шведски называется Ormsö, и название, вероятно, происходит от шведского слова «orm» — змея, так как прежде на острове водилось много ужей и медянок, теперь почти совершенно исчезнувших благодаря ежам <...> Другое происхождение названия острова легенда связывает с именем разбойника Ормса, который жил на острове и оставил ему свое имя.

<...> Основное население острова шведы: 2669, из них 1240 мужчин, 1429 женщин; 120 эстонцев и 20 человек русских — это пограничная стража. Других национальностей нет.

<...> Шведы о. Вормс хорошего среднего роста и правильного телосложения. Большая часть светловолосые, но есть и брюнеты — в южной части острова, и предание связывает это различие с проживанием здесь в Средние века, цыган. Глаза преимущественно серые и голубые, лица овальные, благообразные. <...> По своему душевному складу и всей обыденной жизни вормские крестьяне, как и шведы других соседних островов, сильно разнятся не только от своих ближайших соседей эстов, но и от кровных братьев в Финляндии и Швеции. <...> Это народ крайне консервативный.

<...> К отрицательным свойствам характера населения о. Вормс следует отнести существование на нем контрабанды. В прежние времена предметом ее была соль, а в настоящее время — спирт и ром из Финляндии, которые сбываются на материк, так как население о. Вормс отличается большой трезвостью. Контрабанду провозят преимущественно глухой ночью, причем нередко гибнут люди.²²

Вормские шведы зарекомендовали себя людьми беспокойного нрава и духа, свидетельством чего были крестьянское восстание 1861–1862 гг., «богоискательство» — уход в сектантство, обращение многих в православие в 1880–1890-х гг. и последующее возвращение в баптизм... Может быть поэтому «остров Вормс и его обитатели шведы» почти на целое десятилетие приковали к себе внимание Н. Ф. Арепьева.

Н. Ф. Арепьев (род. в 1852 г.), преподаватель географии в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, дворянин, статский советник (с 1910 г.), был также членом Археологического

института и Общества земледелия при Санкт-Петербургском университете. На о. Вормси он прибыл в 1900 г. для проведения археологических раскопок и изучения местных природно-климатических особенностей.²³

Спустя десять лет, после проведенных на острове нескольких летних сезонов, он предложил свои услуги в качестве корреспондента-собираателя ЭО Русского музея. Работая на острове как географ и археолог, Н. Ф. Арепьев успел познакомиться с его историей, природными ресурсами, флорой, фауной, системой земледелия и всем укладом хозяйства островитян, со многими из которых у него установились, по-видимому, доверительные отношения. Это становится очевидным не только при чтении его рукописи, но и при знакомстве с вещевыми и фотоиллюстративными материалами. Детская, в том числе крестильная одежда, женская коса с вплетенной в нее лентой, свадебные и смеретеные головные уборы, рождественские «короны» из соломы для убранства жилища — вещи, которые редко отдают или продают чужому случайному человеку, особенно заезжему инородцу. Если учесть, что большинство людей, позировавших перед объективом Арепьева, сектанты — «скакуны» и баптисты, то его фотоколлекции — это не только ценный этнографический материал, но и документальное свидетельство о расположении вормсских рыбаков к самому фотографу.

Принимая во внимание ряд обстоятельств: то, что зимой 1910–1911 г. Арепьев жил и работал в Санкт-Петербурге, а весной ему были ассигнованы средства не только на приобретение экспонатов, но и на оборудование небольшой экспедиционной фотолаборатории, а также учитывая выказанный им необычный для любителя профессионализм в отборе сюжетов для съемки, сборе и атрибуции этнографических предметов, есть основания предполагать, что вормсская экспедиция лета 1911 г. была тщательно подготовлена сотрудниками музея при личном участии заведующего ЭО Н. М. Могилянского, с которым Н. Ф. Арепьев переписывался на протяжении 1910–1913 гг.²⁴ — всего периода своей деятельности в качестве корреспондента ЭО.

Вследствие досадного недоразумения собрание Арепьева по этнографии шведов-колонистов о. Вормси на протяжении почти целого столетия не было востребовано, поскольку три его составляющие — рукопись, фотоматериалы и вещевые коллекции оказались разобщены. Этнографический очерк и фотографии, аннотированные как шведские, были причислены к материалам по этнографии народов Скандинавии. Экспонаты же были разделены на четыре тематические коллекции (№ 2992-146: одежда, обувь, головные уборы, образцы тканей и украшения; № 2993-4: музыкальные инструменты; № 2994-82: предметы домашнего и хозяйственного обихода; и № 2995-24: сельскохозяйственные орудия и предметы для обработки льна²⁵), зарегистрированы как «эстонские» и определены в состав прибалтийско-финского собрания.

Как могла произойти такая ошибка? Первопричиной стала принятая тогда в ЭО форма заполнения титульного листа и собирательской описи. В графе «Народность» обычно перечислялись все этносы, у которых приобретены экспонаты, а далее шли сами попредметные списки, где приводились местное название, его русский перевод, краткое формальное описание, указывались место сбора, стоимость и другие данные, но не всегда фиксировалась этническая принадлежность предмета, как это принято в настоящее время в РЭМ. Н. Ф. Арепьев сделал все исправно. Поскольку он приобретал вещи не только у шведов-

колонистов, но и у местных эстонцев, то и в графе «Народность» на титуле указал: «шведы, эстонцы». Однако, как было упомянуто выше, он дополнил коллекции с о. Вормси шведской коллекцией с о. Рухну (кол. № 2991). Далее, по-видимому, произошло следующее: регистратор, К. П. Голубцев, который был техническим, а не научным сотрудником-финно-угроведом, соотнес группу вещей с о. Рухну с одной из двух указанных народностей, а именно со шведской (о том, что на Рухну жили шведы, он знал благодаря коллекции Фомина, собранной в 1908 г.), а вторую группу памятников с о. Вормси — соответственно, со второй из указанных народностей. И шведско-эстонское собрание стало исключительно эстонским.

Лишь в конце 1980 — начале 1990-х гг. встал вопрос о воссоединении собрания Арепьева. Тогда я уже была уверена, что терминология в описях Арепьева представляет собой по большей части не германизированные эстонские (прибалтийско-финские) названия, как ошибочно полагали мои предшественники, хранители прибалтийского фонда, но, собственно слова германского корня. После знакомства с архивом и фотоколлекцией Арепьева возникло устойчивое впечатление, что существующая этническая характеристика вещевых коллекций («эстонцы»), скорее всего следствие ошибки регистратора. Но это еще требовалось доказать.

Возможно, этнолингвист очень высокой квалификации, в совершенстве владеющий местными диалектами шведского и эстонского языков, на которых говорили жители побережья и островов в конце XIX — начале XX в., сумел бы представить систему доказательств для переприписки на основе терминологии, приведенной в списках Н. Ф. Арепьева. Но подобных специалистов в РЭМ и в Санкт-Петербурге не оказалось. Поэтому автору данной статьи, чтобы иметь право на изменение или, лучше сказать, коррекцию этнической характеристики вещевых коллекций, необходимо было выяснить, насколько рукопись и фотоматериалы Н. Ф. Арепьева могут считаться достоверным этнографическим источником, т. е. сравнить содержащуюся в них информацию, исторические и статистические данные со сведениями и иллюстративными материалами, опубликованными в научно-исследовательской литературе, альбомах и этнографических атласах XIX–XX вв., посвященных культуре «прибрежных» и «островных» шведов, и в частности колонистов о. Вормси. Лишь после сопоставления материалов Арепьева с фактическими, фото- и фотоматериалами, содержащимися в произведениях С. Русвурма, Х. Шлихтинга, Г. Рянка, П. Аристе, А. Лааси, Г. Троска, А. Волмаа, И. Тынуриета, К. Кирме²⁶ и ряда других исследователей стало возможным дать объективную характеристику всему памятнику и приступить к работе по переприписки вещевых коллекций и отдельных экспонатов.

В настоящее время почти полностью завершена атрибуция всех предметов одежды, украшений и образцов тканей. Из 146 экспонатов безусловно эстонскими являлись только 7 женских горшксообразных головных уборов на твердой основе, типа *poitmüts* (в описи указано название *lanon*, производное от классического эстонского названия женского головного убора *tani* — кол. № 2992-49*–52*, 126*–128*). К сожалению, все они были утрачены во время Второй мировой войны, как и редчайшие для музейных собраний не только России, но и Эстонии головные уборы шведок о. Вормси, в том числе *seppale* — венки

невесты (кол. № 2992-55*), полностью соответствующий, судя по описанию, *sepal*, венку невесты с о. Ворме на рисунке М. Каарма в книге «Эстонская народная одежда» (табл. XXXV). Помимо свадебного венка в указанной цветной таблице имеются и другие прямые аналоги экспонатов из коллекции Арепьева: *kläd** — платье девочки (№ 2992-19); *barnstomoor* — носки (№ 2992-92ав); *läggjar* — паголенки (№ 2992-93ав); *förkläde* — женский передник (№ 2992-35), *obånd* — девичьи головные уборы, «кокошники из черного плюса и сукна с шелковой назади лентой» (2992-53*, 54*); кукла в наряде невесты (№ 2992-129).²⁷

На основе фотографий Арепьева (см. кол. № 2578-1-20) с запечатленными антропологическими типами местных шведов разных половозрастных групп в «старинных праздничных» и повседневных костюмах удалось не только атрибутировать большую часть предметов одежды, но и реконструировать комплексы народных костюмов: весенне-осенний и зимний варианты мужского старинного празднично-обрядового (№ 2992-6, 8, 11, 32-34, 42, 69, 70); варианты женского — повседневный праздничный, горничный, весенне-осенний и зимний (№ 2992-1, 14, 15, 22, 25, 26, 35, 36, 64, 94); детские, на ребенка 1-5 лет: платья, передник, нагрудник (№ 2992-19, 20ав, 23, 24; 37), чепчики (№ 2992-56-60), в том числе *krisdomsmissa* — крестильные (№ 2992-57, 58); рукавицы, носки, чулки (№ 2992-83ав, 87ав, 90ав, 92ав); костюм мальчика 7-8 лет: *vestan* — безрукавка, *rack* — пиджак (№ 2992-4, 10) и *bicksarna* — штаны с лифом (№ 2992-9ав).

В составе коллекции № 2992 выделяется небольшая группа предметов (10-12), которые по формальным признакам и по названиям (или их отсутствию), следует отнести к числу общих шведско-эстонских памятников: две женские зимние меховые шапки — (?) *lua (luga)* (кол. № 2992-47*, 48*), некоторые кисеты, образцы тканей и нитей, постельного белья, например: *vaipe* (от классич. эст. *vaip*) — детское одеяло (кол. № 2992-106, 107).

Остальные же предметы на основании, главным образом, опубликованных иллюстративных материалов и фотографий Н. Ф. Арепьева все-таки следует переатрибутировать как шведские, включая и украшения: *bag* — 6 серебряных перстней (кол. № 2992-141-146) и 10 фибул из серебра и металла, под названиями *silsälja* (№ 2992-131, 132); *bronsälja* (№ 2992-137-140) и *klacksälja* (№ 2992-132-136). Среди последних (*klacksälja*), представляющих собой изделия типа эстонской фибулы *silmadega prees* — «пряжки с глазками», одна (№ 2992-135) работы ревельского ювелира К. Д. Раутенберга, датируемая 1836-1842 г., согласно атрибуции К. Кирме.²⁸

Поскольку основной принцип определения этнической принадлежности в РЭМ — это бытование, то все фибулы и перстни, изготовленные на материке и представляющие собой типичные образцы западно-эстонских украшений, все же должны быть отнесены к шведским, с указанием на их «принадлежность» к эстонской культуре в соответствующем разделе научного паспорта.

На примере первой из четырех коллекций Арепьева видно, что пропорциональное соотношение эстонских и шведских вещевых памятников во многом отражает реалии

* Здесь и далее орфография терминов соответствует употребляемой Н. Ф. Арепьевым в рукописных списках. Термины приводятся в единственном числе.

этнического состава населения о. Вормси. То же прослеживается и в двух других коллекциях его собрания (№ 2994 и № 2995). Но в отличие от коллекции предметов одежды, большая часть которых имеет неповторимый местный и национальный колорит, экспонаты, образующие источниковедческие комплексы, такие как «Основные занятия» (земледелие, животноводство, рыболовство, охота на морского зверя), «Традиционные ремесла», «Жилище», «Утварь», «Средства передвижения» и т. п., демонстрируют прежде всего общность региональной культуры островитян Прибалтики (эстонцев и шведов). Здесь, как и в ювелирных украшениях, главным определителем этнической принадлежности конкретного вещевого памятника является его бытование, иногда отчетливо зафиксированное в самом его названии: *mårks kjol* — подойник, *larsåg* — коромысло (кол. № 2994-19, 39), *gråtkröckla* — мутовка (кол. № 2992-41), *klompa* — приспособления для хождения по льду (кол. № 2994-49ав, 50ав), *gläck* — деревянный колокольчик для скота, *fårgrum* — намордник для теленка, *bogtra* — хомут (кол. № 2994-48, 61, 70), *brutå* — трепалка, *rocken* — прялка, *vabstol* — кросна — ткацкий стан (№ 2995-19–22*, 23), *jol-krona* — «рождественская корона» — празднично-обрядовые предметы убранства жилища (кол. № 2994-59, 60) и многие другие. В отдельных случаях указание на «шведское происхождение» экспоната дают фотографии: (фотocol. № 2995-1: *årder* — плуг воловий, с. Гулло; № 2578-65–67: крестьянка, пахущая плугом, с. Гулло), иногда — тексты рукописи. (Поскольку в очерке Ареньева описываются «обитатели» о. Вормси — шведы, то все сведения о нравах и обычаях местного населения относятся именно к ним. В редких случаях, когда Ареньев упоминает о жителях иной национальности, он обычно оговаривает, кто это: русские, немцы или эстонцы.) Именно из рукописи мы узнаем о местном способе охоты на волков — «облаве», как пишет Ареньев, отмечая, что во время его пребывания на острове волков уже не осталось, и такой способ отошел в прошлое.²⁹ Поэтому предметы, входящие в состав охотничьего комплекса — волчье копьё — *vargsped*, сеть на волков — *vargnett*, игла для плетения волчьих сетей — *vargnettinnål* (кол. № 2994-56*, 77, 78), — могут быть отнесены к раритетам музейных собраний.

По-видимому, ряд вещей (примерно 10-20) из вышеуказанных коллекций точно атрибутировать не удастся. В отношении этих предметов будет правильным сохранить двойную этническую характеристику, которую некогда дал всем вещевым коллекциям сам собиратель: «шведы, эстонцы».

Даже сейчас, после утраты в годы войны многих экспонатов, собрание Н. Ф. Ареньева все равно остается уникальным. Однако истинное представление о работе собирателя, об информативности историко-этнографического памятника сейчас мы можем получить, лишь прибегнув к реконструкции.

Первоначально в собрании Н. Ф. Ареньева наряду с темой «Народная одежда» полно и разносторонне была представлена тема «Поселение — усадьба — жилище». В состав этого источниковедческого комплекса входили:

1. Тексты-описания, статистические данные, план усадьбы (ниже приведены небольшие выдержки из рукописи Н. Ф. Арепьева).

Население живет в 13 деревнях, из которых 8 находятся в восточной части, а 5 — в западной части острова, жители последних пользуются некоторыми преимуществами и уважением остальных как древнейшее население края.

Название поселения	Число дворов	Число жителей
Гулло-би	11	131
Руото-би	11	122
Свиби	30	314
Сетерби	12	138
Норби	6	96
Дибби (Дудер-би)	10	119
Рельби (Ревель-би)	14	136
Борби	31	323
<i>Пять на западе:</i>		
Керлет (Киркеслет)	30	311
Саксби	15	154
Форби	13	172
Бусби	33	130
Феларне	5	59

В середине острова расположен насторат Олай и мыза Магнусгоф. По преданию, церковь на острове Вормс была построена графом Дугласом в один год с основанием г. Ревеля. Об основании кирхи сохранилась следующая легенда. Сначала ее хотели построить на холме близ деревни Свиби, который до сих пор носит название Kirka haka, но что было сделано днем, ночью разваливалось, так как место Богу не понравилось. Точно то же происходило на другом холме, близ деревни Гулло... Когда же стали строить кирху там, где она стоит теперь, и там, где прежде была конюшня, то тотчас же появился крест и ночью прибавлялось столько же, сколько было сложено днем.

<...>

Внешность поселений... зависит главным образом от физических условий местности. Так, например, селение Гулло вытянулось в одну линию... большинство же других селений представляет собой собрание построек, расположенных без общего плана. Таково же и расположение улиц: в одних селениях они пересекаются под прямым углом, в других представляют весьма затейливые разветвления, среди некоторых селений есть небольшие площади, которые нередко служат для склада строительных материалов, леса и камня.

<...>

Усадьбы вормских крестьян носят имена их основателей. Так, например, усадьба одного крестьянина в с. Гулло, Ганса Седерблома называется Томас по имени ее основателя. Это стремление сохранить имя родоначальника видно из того, что выселяющиеся на новое место члены семьи из этой усадьбы дали новому поселению название Ny Tomas.

<...> Главная часть усадьбы состоит из жилого дома — *huser*; около него расположены постройки, где сохраняются платье и запасы ткани, они называются *spigarne* <...>. На втором плане помещается *riga* — *riap* ... В стороне помещается скотный двор — *logården*, расположенный полуциркулем с отделениями для помещения разного рода домашних животных: коров, волов, лошадей <...>. Совершенно в стороне — баня — *basta*.

<...> Мебель обыкновенно небольших размеров и в ограниченном количестве: несколько стульев с соломенными, а иногда и деревянными сиденьями и несколько, смотря по числу душ, простых некрашеных кроватей, но в каждом семействе есть непременно стул-качалка, который вывозится из Финляндии. Стены ничем не оклеиваются и не окрашиваются, как, равным образом, и столы, которых обыкновенно бывает в горнице не более одного³⁰.

2. Фотографии: кол. № 2578–29, 30 (улица Гулло), 32 (вид крестьянской усадьбы с улицы), 33 (курная изба с соломенной крышей), 34, 35, 36 (изба бревенчатая с двускатной соломенной крышей), 38, 39 (крестьянский дом на каменном фундаменте), 40 (обстановка в горнице крестьянской избы, за столом сидит девушка), 41 (летняя кухня), 42, 43 (двор крестьянина, во дворе мальчики в школьной форме), 44–47 (скотный двор), 48, 49, 50 (клеть), 51 (баня), 53 (латание крыши бревенчатого строения камышом), 54, 55 (защита от холода северной стены), 56 (колодец с «журавлем»), 57 (рига), 13, 30, 59, 60 (ветряные мельницы), 61 (кладбище с четырехконечными надгробными крестами на краю соснового бора).

3. Вещевые памятники: мебель (шкафы*, стол*, кровать*, колыбель*, скамьи, стул*, сундуки, ящик, замки, ключи), предметы освящения (люстра, светцы), утварь (коромысло, хлебопечная лопата, фляги, маслобойка, поваренка, ложка, тарелка для рубки мяса и т. д.; когда-то имелаась даже *kattkoppen* — площадка для кошки* (кол. № 2994–1–41, 44–46, 59–60; № 2995–11, 12 — лопаты для прибивания соломы к крыше).

4. Научно-вспомогательные материалы:* — модели: комплекс крестьянского двора (дом, рига, скотный двор, баня, овин, колодец, кладовая), а также отдельные строения курной избы, мельницы, изготовленные местным мастером Г. Яхансеном.³¹

Среди собраний ЭО по этнографии народов Прибалтики начала XX в. нет другого памятника, в состав которого входили бы вещевые материалы, документальные фотографии и тексты,³² формирующие достоверный и художественно-эмоциональный образ народа и его культуры.

До сих пор, говоря о тематической характеристике собрания, мы касались ведущих, базовых для этнографии источниковедческих разделов: «Основные и подсобные занятия», «Народный костюм» и т. д. При этом некоторые из них являются «сквозными» для вещевых коллекций, например: ткачество (см.: инструментарий — кол. № 2995, образцы тканей — кол. № 2992). Однако внутри этих больших блоков, присутствуют также малые полифункциональные группы вещей. Они образуют самостоятельные комплексы, например: «Этнография детства», «Семейная и календарная обрядность», «Религия», «Народные верования», «Традиционные этнокультурные связи». Подобная многомерность, присущая целому ряду экспонатов, отражает суть понятия «этнографический предмет», его прагматическую и символическую функции в народной культуре. Но, пожалуй, наиболее

сложно и своеобразно данные качества преломляются в области, где «свободные» искусства — музыка и музыкальные инструменты — взаимодействуют с религией.

Последнюю коллекцию из собрания Арепьева (№ 2993-1*, 2-4) составляют всего четыре экспоната: струнные музыкальные инструменты — три так называемые цитры (*sitra*): одна домашнего (д. Рельбю) и две фабричного (д. Румпо) изготовления. Особый интерес, по мнению эстонского этномузыковеда И. Тынуриста, представляет четвертый инструмент — *хийуканнель* (№ 2993-4 — *harpa* — арфа, местное название в д. Бусбю) — «смычковый инструмент, так называемый хийуский, или шведский каннель (*hiikannel, rootsikannel*)», который, как показали исследования, «встречался лишь на западно-эстонском побережье и островах. Это была заимствованная от живших там шведов тальхарпа, являющаяся разновидностью шведской строкхарпы».³³

В 1996 г. И. Тынурист принял участие в научной атрибуции собрания прибалтийско-финских музыкальных инструментов РЭМ. При ознакомлении с экспонатами из коллекции № 2993 И. Тынурист отметил, что вормеский хийуканнель — раритет, чудом избежавший костра, ибо местные сектанты, после отмежевания от лютеранской церкви, сжигали некоторые музыкальные инструменты — то ли как «неудобные богу», то ли на волне эсхатологических настроений первой половины XIX в. в ожидании конца света.³⁴ В то же время другие инструменты, например, цитры использовались в качестве аккомпанемента во время исполнения духовных песен деревенскими хоровыми коллективами. Мнение эстонского этномузыковеда согласуется с фотоматериалами Н. Ф. Арепьева (см. фотокол. № 2578-11, 12: «Парень и девушка с музыкальными инструментами — цитрой и гитарой — в праздничной летней одежде»; д. Гулло) и сведениями о религиозном воспитании подрастающего поколения или историей распространения баптизма, которые содержатся в очерке:

Воскресные школы имеются в каждом селении острова Вормс и предназначаются для детей дошкольного возраста, до 8 лет <...>. Вот в этих школах молодое поколение и получает первое представление и знакомство со Священным Писанием. Дети собираются в школах каждое воскресенье после обеда, и наставники читают и рассказывают им библейские и евангельские события и разучивают с ними молитвы и псалмы. Таким образом, еще до грамоты и нормальной школы, посещение которой обязательно с 8 лет и до 13 лет, молодое поколение получает значительный запас фактических знаний из области Священного Писания и вводится в сознательное отношение к вопросам веры. <...>

В Иванов день, 24 июня [учащиеся воскресных школ и их наставники] дают оригинальный и своеобразный отчет. Эти школы существуют уже 28 лет и каждая из них имеет свое знамя, на котором изображены названия селений и разнообразные сентенции — «девизы», как, например: «Керслет — Мир», «Гулло — Победа Наша», «Борбю — По сие Время Он Помогал, Он Будет Помогать и Впредь» <...>*

* В тексте рукописи девизы приведены на шведском языке с русским переводом, сделанным самим Н. Ф. Арепьевым.

Вот с этими знаменами дети и являются на праздник вместе со своими наставниками и другими членами своих семейств. Обыкновенно на этом празднике собиралась половина населения острова. Праздник происходит в вековом сосновом лесу, близ церкви Святого Олая. Здесь возводится небольшой помост для хора девушек, исполняющих различные духовные песнопения под аккомпанемент цитры и гитар (выделено мною. — М. З.); с этой же эстрады произносятся речи ораторами-крестьянами на темы Священного Писания. <...> Торжество начинается пением хора, после которого следуют речи на разные темы из Священного Писания, перемежающиеся с пением хором псалмов. Затем следует самая интересная часть праздника: своеобразный публичный экзамен, заключающийся в том, что наставники по очереди обращаются к малолетним слушателям с каким-нибудь рассказом из Священного Писания и попутно задают вопросы или просят объяснить действия лиц, участвовавших в событиях, просят рассказать, что говорило то или другое действующее лицо. Знаящие то, что спрашивалось, поднимали руки и, по приглашению наставника, отвечали на предложенный вопрос. После этого своеобразного экзамена детям раздаются небольшие пакетики с белым хлебом, леденцами и картинками разнообразного содержания. Праздник обыкновенно заканчивается совместным пением всеми присутствующими какого-нибудь псалма.

<...>

В Эстляндии баптистское движение обнаружилось прежде всего именно на о. Вормс. Дальнейший толчок развитию баптизма в Эстляндии был дан баптистским проповедником Санкт-Петербургского баптистского прихода пастором Шове,³⁵ который был приглашен из Петербурга в Гапсальский уезд в 1884 г., и деятельность его потом распространилась на г. Ревель и о. Вормс. Заботясь о распространении и укоренении баптизма, пастор Шове обратил преимущественное внимание на развитие религиозных песнопений, которые после толкования священного писания составляют сущность религиозного упражнения сектантов. Он снабдил свою новую паству рукописными переводами баптистских песнопений <...>. Деятельность пастора Шове имела на о. Вормс огромный успех. Введенные им песнопения вполне удовлетворяли природную склонность его новых прозелитов, отвечая как нельзя более их сосредоточенному меланхолическому характеру. «Все содержание этих песен, — говорит другой исследователь же религиозного движения в крае, Остерблом,³⁶ — группируется около изображения горя, страданий и бедствий на земле и противопоставлений их радости правды, мира, наслаждений и блаженства в Новом Иерусалиме, будущем Сионе, на лоне Спасителя. Ясное и наглядное сопоставление земного горя с блаженством на небе производит сильнейшее впечатление на поющих, особенно же на людей преклонного возраста. Впечатление это еще больше увеличивается чрезвычайно восторженными вдохновенными напевами»³⁷.

Существует достаточно данных, прямо или косвенно свидетельствующих о том, что музыка и музыкальные инструменты в среде сектантов о. Вормси были строго дифференцированы. В религиозной практике, во время молебствований и религиозных торжеств музыка (пение под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов или без

аккомпанемент) способствовала достижению экзальтации — особого психо-эмоционального состояния и мистического сознания верующего, проявляя тем самым себя как серафическое искусство. Но вне религиозной сферы, по мнению местных баптистов, музыка как средство удовлетворения не религиозных, а, стало быть, и не духовных, но сугубо мирских потребностей человека, ассоциировалась с искусством демоническим, которое будило греховные помыслы в христианине. «Мрачный взгляд на жизнь почти всех антилютеранских сект»¹⁸ порождал негативное, крайне настороженное отношение членов конфессиональной общины к праздным забавам: танцам и традиционному песенному фольклору. Некоторые же типы мелодий и музыкальных инструментов, бытовавших на Вормси, вообще подверглись остракизму:

Крестьяне Бусби были богаты, владея не меньше 15 гаекенов земли каждый, и потому были горды. Молодые люди никогда не ездили верхом без седла и носили сапоги со шпорами, а девушки украшали себя золотыми и серебряными кольцами и застёжками.

Как-то в один год одновременно было справлено 15 свадеб и молодые пары жили беспечно, проводя время в непрерывных угощениях и танцах. Плясали под волынку, и в домах, и под открытым небом. И вот однажды во время такого всеобщего веселья из моря вышел водяной в образе человека, вмешался в толпу танцующих и когда музыкант что-то плохо сыграл, он выхватил у него инструмент и так заиграл, что все окружающие завертелись в дикой и радостной пляске. Когда затем водяной, продолжая играть, направился в море, за ним последовало и все общество, продолжая плясать и не имея сил остановиться, и все утонули. В то же время море вышло из берегов и затопило деревню.

После этого события земли д. Бусби были присоединены к имению Магнусгоф, а жители о. Вормс перестали играть на волынке.¹⁹

Не случайно, обзор вещевого собрания Арепьева мы завершаем описанием музыкальных инструментов, ибо данные этнографические предметы, будучи также предметами искусства и религиозного культа, являются звеном, связующим этнологию с музыковедением (шире — искусствоведением) и религиоведением. Даже простая попытка прояснить историю бытования (изгнания или истребления) трех музыкальных инструментов: цитры, хийуканнеля и волынки невольно вовлекает нас в круг проблем культурологии.

Мы уже не единожды использовали слово «уникальность». Уместным оно будет и при характеристике собрания Арепьева в культурологическом аспекте, так как данный историко-этнографический памятник — единственный пример «русского взгляда» на культуру островных шведов Эстонии, взгляда не «изнутри» культуры, а «извне», со стороны. (Очевидно, что для всех уроженцев Эстонии, независимо от их национальности — немцев, эстонцев, шведов, — культура поморян была одной из неотъемлемых частей «своей» культуры.) Своеобразие данного «стороннего» видения нашло отражение в комплектовании вещевых материалов и выборе сюжетов для фотосъемки, но в этих сферах оно проявляется опосредованно — главным образом, согласуясь с текстами рукописи.

Очерк Н. Ф. Арепьева «Остров Вормс* и его обитатели шведы» по ряду признаков может быть отнесен к такому жанру, как «записки путешественника», где факты соседствуют с личными впечатлениями и наблюдениями автора, вольными цитатами из исторической и религиозно-этической литературы, периодической печати, а добротные скрупулезные этнографические описания — с местными преданиями и слухами. Условно очерк Арепьева может быть разбит на три части. В первой дается характеристика природно-климатических особенностей, природных ресурсов, геологического строения, флоры и фауны. В этой части очерка автор выступает как профессиональный географ: часто прибегает к специальной терминологии, в том числе на латыни (например, при описании видов растений). Вторая часть — история о. Вормси в контексте истории Эстляндии (Эстляндской губ.) — самая краткая и наименее оригинальная часть очерка, свидетельствующая лишь о том, что Арепьев прочитал соответствующие исторические исследования и, видимо, ознакомился с архивами Гапсаля, приходскими архивами на о. Вормс. Третья часть — собственно этнографический обзор, где более или менее полно описаны жизнь и быт островитян. Однако самого Арепьева мало интересует мир материальный: основные занятия, мебель, одежда, пища и т. п.; здесь он конкретен, но весьма краток. Гораздо более Арепьева волнует мир нравственный и духовный — именно этим темам посвящена последняя треть рукописи. Сам, будучи «чужим», он очень точно подметил проявления двойного стандарта в этике шведов-колонистов:

...Вормсский швед никогда не украдет у своего собрата шведа. Тогда как украсть, присвоить вещь, принадлежащую человеку другого племени или класса, не только не считается предосудительным, а наоборот оценивается здесь как нечто героическое. Общее угнетенное положение в прошлом воспитало в них своеобразную круговую поруку, и вормсский швед на суде никогда не будет свидетельствовать в пользу нешведа. Вормсский швед может быть очевидцем того или иного преступления, но на суде он не остановится и перед ложной присягой и будет отрицать факты, которых он был очевидцем.⁴⁰

Н. Ф. Арепьев обращает внимание также на их последовательный консерватизм, по сравнению с эстонцами, которые на страницах очерка, хотя и упоминаются очень редко, но выглядят гораздо более цивилизованными, восприимчивыми к разного рода новшествам, например, в области кулинарии, садоводства, огородничества, меж тем как шведская молодежь, к огородничеству не имеющая никакого отношения, «не отказывается лакомиться» овощами (брюквой, редькой и морковью) «из огородов местных эстонцев», и, по-видимому, делает это в тайне от хозяев огорода.

Главное же внимание Арепьева сосредоточено на исследовании причин богоискательства островитян, которое он определяет как «стремление к уразумению слова Божьего, не нашедшее утешения в храме» (выделено мной. — М. З.):

* Современное название острова — Вормси.

В недавнее время в Эстляндской губернии существовали, и некоторые продолжают существовать и поныне, следующие секты: гернгутеры, или моравские братья, скакуны, баптисты, ирвингиане, мельцфельдовцы, секта «Пробуждения веры», «Общество причащения Святых Тайн», пизтисты и свободная Христова Церковь. Из этих сект на о. Ворме получили особое распространение сначала секта «скакунов», а затем баптистов»⁴¹

Его волнуют проблемы, связанные с религиозным мировоззрением и образованием молодежи, ролью и личностью пастыря, его миссионерским даром, духовные и мирские планы взаимоотношений пастыря и паствы в лютеранстве, баптизме и православии. Теперь уже Арепьев не ограничивается пересказом фактов — он начинает рассуждать, высказывать свое личное, субъективное мнение, которое в некоторых случаях во многом совпадает с мнением современных историков (например, Н. Ф. Арепьев очень высоко оценивает роль шведских пасторов в просвещении эстов), но в чем-то он совершенно с ними расходится. В отечественной и эстонской исторической литературе XX в. сложилось устойчивое определение побудительных причин обращения в православие эстонских крестьян. Все они, считают исследователи данного вопроса, носили социально-экономический характер. Н. Ф. Арепьеву же совершенно чужда мысль о самой возможности перемены вероисповедания из меркантильных побуждений.

Судя по всему, Н. Ф. Арепьев не был славянофилом, скорее, он был западником и либералом. Это ощущение возникает, когда читаешь, что он пишет о демократических свободах в Скандинавских странах и критикует крепостное право и его пережитки в Российской империи. Совершенно очевидно, что он был человеком верующим, и как православной христианин искренне полагал, что вормеские крестьяне обращаются к православной церкви *«в стремлении найти опору и утешение в трудовой жизни и обрести путь истинной веры. Это и было главной причиной сильного движения 1886 г. в пользу православия, когда на о. Ворме заявилo желание обратиться почти четверть населения, почему на нем и был построен православный храм, о каком большинство островитяи не имело никакого понятия»*⁴².

На этом примере, который наиболее полно раскрывает особенности «русского взгляда» начала XX в. на культуру иной этноконфессиональной общности, я позволю себе закончить рассказ об одном из интереснейших архивных памятников, достойном дальнейшего углубленного, разностороннего изучения и публикации.

В заключение еще раз остановимся на главных особенностях собрания РЭМ, относящегося к этнографии «германских» народов.

В основном данный фонд был сформирован в течение очень короткого периода (1908–1912 гг.). Позднее имели место лишь единичные поступления и в 1948 г. — передача коллекции костюмов (№ 8762) из б. Музея народов СССР (Москва). Предметы, составившие эту коллекцию, бытовали в тот временной период, когда комплектовалась коллекция, т. е. в XIX — начале XX в.

Всего в фонде музея насчитывается 11 «германских» коллекций. Количественная характеристика свидетельствует о значительных утратах, понесенных во время Второй

мировой войны, а также о соотношении вещевых материалов, образующих «зарубежную» и «российскую» группы:

I группа:

Кол. №	Кол-во предметов	Собиратель	Место сбора	Народ
3196	20/19	У. Т. Сирелиус (Ф. Е. Классен ?)	Норвегия	шведы, норвежцы (?)
4877	1/1	неизвестен	Дания	датчане
6817	1/1	В. В. Стасов	местность неизвестна; Санкт.- Петербург	шведы
Итого: 22 / 21				

II группа

1491	85/67	А. А. Фомин	о. Рухну	шведы
2991	23/20	Н. Ф. Арёьев	то же	тоже
8762	22/22	неизвестен	—//—	—//—
Итого: 130 / 108 — о. Рухну				
2992	146/11 8	Н. Ф. Арёьев	о. Вормси	шведы, эстонцы
2993	4/3	—//—	то же	шведы
2994	82/70	—//—	—//—	шведы, эстонцы
2995	24/20	—//—	—//—	то же
Итого: 256 / 211 — о. Ворме				
4397	2/2	П. Ф. Герман (1925 г.)	д. Кипень Ленинградской губ.,	немцы- колонисты
Итого: вся II группа: 388 / 321				
Всего в собрании «германского фонда» (I и II группы): 410/342				

Из приведенной таблицы видно, что четыре коллекции (№№ 3196, 2992, 2994, 2995) имеют двойную этническую характеристику и, соответственно, могут рассматриваться в контексте взаимодействия культуры шведских переселенцев и местной культуры коренного населения (Норвегия, Западная Эстония).

Количественная диспропорция «зарубежной» и «российской» коллекций закономерна: комплектование этнографических памятников населения о-вов Рухну и Вормси было целевым и соответствовало главной задаче ЭО — сбору материалов, рассказывающих о жизни и особенностях культуры народов Российской империи. Появление же в фондах музея «зарубежных» коллекций в достаточной мере случайно.

Столь же неравноценна и культурно-историческая значимость первой и второй групп памятников.

О датской и норвежской коллекциях следует добавить, что они могут быть привлечены для выявления предметов скандинавского круга в финских коллекциях У. Т. Сирелиуса. Коллекции же о. Рухну и о. Вормси — полноценные историко-этнографические комплексы, которые позволяют реконструировать самобытность многих сторон жизни двух островных колоний и предоставляют обширные возможности для исследования этнокультурных и эволюционных процессов XIX в. в Западной Эстонии.

Примечания

¹ См. Zassetskaja M. Germaani rahvaste kogud Venemaa etnograafiamuuseumis // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XXII. Tartu, 1998. S. 97–113.

² Издание научно-справочного каталога по фонду Северо-Запада и Прибалтики временно приостановлено.

³ Коллекционное описание составлено сотрудником ГМЭ народов СССР Т. Т. Денисовой.

⁴ Сотрудниками МАЭ и РЭМ была подготовлена и построена временная выставка, открытие которой состоялось в залах МАЭ в декабре 1995 г.

⁵ Шрадер Т. А. Экспонаты из Скандинавии в музеях Санкт-Петербурга // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 356–362; Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 326 (переписка с Классеном Ф. Е.).

⁶ «Шведская коллекция из Норвегии» — надпись на листке с перечнем экспонатов, подписанном к делу У. Т. Сирелиуса (см.: Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 587, л. 54).

⁷ Герман П. Ф., научный сотрудник ГМЭ народов СССР, погибла на фронте во время Второй мировой войны.

⁸ См.: Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея / Науч. ред. П. П. Вибе; вступ. ст. П. П. Вибе и И. В. Чернозьянова; сост. И. В. Чернозьянова. Омск, 1997; Горобцова Е. Экспонаты рассказывают (экспозиция «Из истории немцев Поволжья» в Саратовском областном музее краеведения) // Жизнь национальностей: Российские немцы: между прошлым и будущим. 1996. № 2. С. 54, 55; Мартене Г. Сохранять и развивать культуру // Там же. С. 80–83; Лойко Л. М. Коллекция одежды немцев-колонистов в РЭМ // ЖС. 1998. № 3. С. 25–27.

⁹ «Рижское педагогическое общество, г. Рига. Коммерческое училище Миронова. Рига 19. 19/V. 08 г. Экскурсионное бюро Рижского Педагогического Общества, предпринимая экскурсию на о. Рюно, представляю. Предполагаемая экскурсия, представляющая громадный интерес в этнографическом отношении, приобретает двойную ценность оттого, что своеобразной культуре этого острова грозит в скором времени опасность полного исчезновения. Экскурсионное бюро обращается в Этнографическое отделение при музее Имп. Александра III с предложением (если это представляет для него интерес) принять участие в этой экскурсии... или дать соответственные поручения экскурсионному бюро. Бюро просит прислать извещение о согласии или несогласии не позднее 26 мая» // Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 648, л. 1.

¹⁰ Там же, л. 1, 2.

¹¹ Voolmaa A. Lääne-Eesti saarte rahvarõivaste omapärast. Etnograafiamuuseumi Aastaraamat XXIX. Tallinn, 1976. Lk. 201–203.

¹² Описания предметов даны в коллекции № 1491, зарегистрированной в 1909 г. (регистратор А. Макаренко).

¹³ «...Можем принять поручение как от Музея Академии приобрести некоторые предметы определите максимум расходов» // Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 648, л. 3. (телеграмма от Фомина). До обнаружения коллекции Фомина в МАЭ было не вполне ясно, о каком музее и какой Академии идет речь.

¹⁴ См.: МАЭ, кол. № 1290; поступила в 1908 г. от Рижского педагогического общества; 58 эксп.

¹⁵ Показательно, что данный предмет был смонтирован для экспонирования реставраторами МАЭ на основе данных из коллекционной описи РЭМ.

¹⁶ Архив РГО, р. 112, оп. 1, № 128.

¹⁷ Мы говорим «случайному», и это справедливо, так как историей и культурой шведов о. Рухну ни в МАЭ, ни в РЭМ целенаправленно никто не занимался.

¹⁸ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 18, л. 9.

¹⁹ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 701, л. 1.

²⁰ Данные предметы одежды, ошибочно зарегистрированные как эстонские национальные костюмы, были в 1995 г. атрибутированы автором статьи как одежда шведов-колонистов о. Рухну на основании аналогов из коллекций А. А. Фомина и Н. Ф. Арепьева и научных изданий (см.: Каарма М., Воолмаа А. Эстонская народная одежда. Таллинн, 1981. С. 448–455).

²¹ 28 июня 1341 г. существование шведской колонии на о. Рухну было принято де-юре. «Волею Божией епископ Курляндский — всем, кому дано будет это послание, с благославения Бога. Пусть всем будет известно, что мы милостиво обещаем всем тем шведским подданным, кто живет на о. Рухну предоставить право на владение своими землями по шведским законам, согласно которым каждый обязан <...>. Писано в 1341 году от Р. Х. вечером накануне праздника Святых Апостолов Петра и Павла» // Runõ. Ruhnu 650 Historia om en gammal kultur på ön i Rigaviken. Tallinn, 1991, фронтиспис; Lorents T. Väike tagasiwaade Ruhnu ajaloole ja saare elanikkonna hilisemale saatusesele // Op. cit. S. 3, 5; см. также периодическое издание шведов Эстонии: Kusibon. 1989. № 3.

Автор выражает благодарность Х. Ф. Климберг за помощь в переводе со шведского и эстонского языков.

²² Отдельные цитаты из рукописи Н. Ф. Арепьева скомпонованы в один связный по содержанию текст (см.: Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 1, 3, 9, 20–22).

²³ Архив ИИМК, д. 1900/119.

²⁴ После работы на о. Вормс Н. Ф. Арепьев в 1912 году по поручению Н. М. Могилянского собирает вещевые материалы в Уфимской губ. (см. кол. №№ 2957, 2960, 2966, 2967; народность: великоросы, башкиры, черемисы; Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 18, л. 23–34).

²⁵ Регистрация была закончена в декабре 1913 г.; регистрировал К. П. Голубцев.

²⁶ Rußwurm C. Einbefolke oder die Schweden an den Küsten Estlands und auf Runõ. Reval, 1855. Bd. 1, 2; Schlichting H. Trachten der Schweden an den Küsten Estlands und auf Runõ. Leipzig, 1854. Taf. IV–VI;

Ariste P. 1) Risti kihelkonna rootsilased // Eesti kirjandus. 1929; 2) Die Schweden auf Hiiumaa nach der grossen Auswanderung // Sitzungsberichte der Gelehrten Einischen Gesellschaft, 1937. I Tartu, 1938; Blumfeld E. Estlands-svenskarnas historia // En bok om Estlands svenskar Stockholm. 1961; Ränk G. Die älteren baltischen Herenhöfe in Estland. Uppsala, 1971; Klein E. Runõ. Uppsala, 1924; Laasi A. Ormsõs landskapsbild // Sviõ-Estonia, 1939. Tartu, 1940; Kirme K. Eesti soled. Tallinn, 1986; Каарма М., Воолмаа А. Эстонская народная одежда. Таллинн, 1981; Троска Г. А. Поселения прибрежных шведов в Эстонии в XIX в. // Скандинавский сборник XXI. Таллинн, 1976. С. 172–187; Тынурист И. В. Псалмодикон в Эстонии: О скандинавских влияниях в эстонском народном музыкальном инструментарии // Там же. С. 188–195. Консультации по поводу религиозных деятелей, упомянутых Арепьевым в тексте, посвященном сектантству на острове, были получены от доктора Я. Пляата, книга которого о религиозных движениях в Западной Эстонии и на островах недавно была опубликована (См.: Plaat J. Usuliikumised, kirikud ja Vabakogudused Lääne- ja Hiiumaal. Tartu, 2001).

²⁷ Каарма М., Воолмаа А. Указ. соч. С. 442–447.

²⁸ Kirme K. Op. cit. S. 156.

²⁹ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 20.

³⁰ Там же, л. 9, 10, 12. Интересно проследить как данные о поселениях и мебели из текстов Арепьева соотносятся с данными, содержащимися в работах Г. А. Троска (См.: Троска Г. А. Поселения прибрежных шведов в Эстонии в XIX в. // Скандинавский сборник... С. 172–187; Булануу П. Скандинавские влияния на крестьянскую мебель прибрежных шведов в Эстонии (Õunariid P. Scandinaavia mõjutusi Eesti rannikuala talumööblile // Eesti Rahva muuseumi. Tartu, 1992. Lk. 62–67; см.: Op. cit. Foto 5 (кресло-качалка, о. Вормси, 1898 г.); Пылло Х. Широкие кресла-качалки на о. Хи́юмаа (Põllo H. Laiaistmelised kiiktoolid Hiiumaal // Op. cit. 1994. Lk. 75–90.).

³¹ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 18, л. 14–14об.

³² В какой-то мере собрание Арепьева можно сопоставить с материалами У. Т. Сирелнуса и И. А. Гальбека (Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 587 и №№ 98–180), однако у них при наличии подробнейших описаний места и значения

конкретного этнографического предмета в культуре отсутствует описание самого народа.

³³ Тынурист И. В. Указ. соч. С. 188.

³⁴ Сведения И. Тынуриста совпадают с данными Я. Платта о том, как эстонцы и эстонские шведы Лянемая в первой половине XIX в. под влиянием проповедников-сектантов сжигали свои наряды и украшения, подготавливая себя тем самым к концу света. (См.: Plaat J. Op. cit. S. 395–396).

³⁵ О деятельности А. Р. Шове см.: Plaat J. Op. cit. Lk. 90, 92, 93, 107, 110, 111, 115–125.

³⁶ Остерблом Ю. Новейшие религиозные движения в Эстляндии. СПб., 1885.

³⁷ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 31–32.

³⁸ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 30–31.

³⁹ Там же, л. 18.

⁴⁰ Там же, л. 21, 22.

⁴¹ «Секта „скакунов“ обязана своим возникновением членам Евангелического Отечественного Института в Стокгольме, миссионер которого Викандер занес учение этой секты на о. Vormsi в 1884 году, основав здесь две шведские школы и взяв на себя их содержание. В 1872 г. прибыл на о. Vormsi, назначенный институтом на должность учителя местной школы некто Остерблом. Оказывая своими

речами сильное влияние на слушателей, проповедуя не только в школах, но и везде, где собирался народ, он вскоре приобрел значительное число приверженцев, из которых позднее стали выходить проповедники его учения. Первоначально это учение не имело антицерковного характера и было направлено на уничтожение господствующих в народе пороков и утверждение строгой нравственности, умеренности и простоты. Особенно в пище и в одежде. Только с течением времени оно изменило характер...». Ср.: Plaat J. Op. cit. Lk. 63, 68, 70, 77, 82, 83, 85, 105–108, резюме на англ. яз.: S. 396. «The Awakening of Läänemaa began with the arrival of two Swedish missionaries, Thure Emanuel Thoren and Lars Johan Österblom They started working as teachers and missionaries in the Noarootsi and Vormsi parishes in 1873.» (выделено мной. — М. 3.).

⁴² Ср.: Plaat J. Op. cit. S. 397: «For instance, on Vormsi Island—the cradle of the awakening movement of Läänemaa—more than 500 people or one fourth of the island's population converted to Orthodoxy in the 1880s. <...> Those who shifted church were mainly motivated by economic and social hopes». Подробнее о распространении православия на о. Vormsi, миссионерской деятельности православных священников о. Николая (Орлова) и о. Варраске пишет также Н. Ф. Арепьев (см.: Op. cit. Lk. 136, 137).